

Он меня погубит

Автор:

Оливия Лейк

Он меня погубит

Оливия Лейк

Он: меня жгла, переполняла ненависть. Благодаря ей я выжил. Пять лет я ждал, чтобы отомстить: за смерть брата, слезы матери и горе отца. Меня лишили семьи, дома, свободы, но я вернулся и буду беспощаден. Никакого снисхождения. Я уничтожу своего врага и начну с его дочери...

Она: я всегда жила в золотой клетке с тяжелыми, очень тяжелыми замками. Вышла замуж, чтобы вырваться из-под власти отца, но оказалась в руках подонка мужа. Я больше не ждала "завтра", пока не появился Он. Жесткий, властный, неприступный. Он похитил меня, чтобы я стала орудием мести. Он меня погубит...

Содержит нецензурную брань.

Оливия Лейк

Он меня погубит

Пролог

Мелена

– Мэм, можно побыстрее? – нервничала я. Мне огромных трудов стоило уговорить миссис Харрис, педагога по вокалу, отпустить меня на полчаса раньше. Нужно успеть до приезда водителя. Майк непременно обо всем доложит отцу, а этого допустить нельзя. Все однокурсники идут на фестиваль поп-музыки, и я тоже хочу, но меня не отпустят, никогда не отпустят, но если будут билеты... Почему же их так долго регистрируют! Я бросила взгляд на изящный циферблат часов – времени в обрез!

Мама обещала уговорить отца отпустить меня с ночевкой к Келли, лучшей и единственной подруге, а там уж я выберусь. Это будет мой подарок на восемнадцатилетие!

– Карта или наличные?

– Наличные, – робко улыбнулась и суетливо отдала ей двести долларов. Никаких финансовых следов!

Я стремительно выскочила на улицу и бросилась по Бельведер-Роуд вверх на один квартал. Я должна успеть, просто обязана! На светофор в узком проулке не посмотрела, кидаясь на дорогу: визг тормозов и запах паленой резины заставили испуганно обернуться и замереть на месте. Капот черного спортейджа остановился в дюйме от меня. Если бы у водителя были проблемы с реакцией свой день рождения я встречала бы в больнице.

Дверь рывком открылась, демонстрируя хозяина машины. Молодой мужчина в белой сорочке с закатанными руками и распахнутым воротом, голубые брюки и массивный «Ролекс». Так, кажется, я нашла неприятности.

– Мисс, – резко окрикнул он, – элементарные правила дорожного движения даже дети знают!

Он порывисто снял темные очки, и у меня земля ушла из-под ног. Стальные с поволокой глаза смотрели осуждающе и грозно, скулы на худом, словно вылепленном из мрамора лице, были острыми и высокими. Загорелая бронзовая кожа и чуть вьющиеся темные волосы навевали ассоциации о жарком юге, солнце и море. За всю свою недолгую жизнь я не видела никого красивее.

- Вы в порядке? – резкость в густом баритоне сменилась тревожностью. Наверное, считает меня ненормальной: сначала бросилась под колеса, теперь стою и глазею с открытым ртом.

- Извините, – пролепетала, стыдливо отводя глаза. Нельзя так пристально разглядывать людей! – Я просто очень торопилась.

- Если вы продолжите торопиться, то не доживете до вечера.

- Если я через пять минут не окажусь возле «Атлантик колледжа», то в любом случае умру.

- Даже так? – весело заметил он, явно забавляясь ситуацией. – Вы слишком молоды, чтобы умирать. – Он подошел к пассажирской двери и распахнул, без слов предлагая подвезти.

Я понимала, что не должна соглашаться. Ехать с незнакомцем – вверх безумия. Но он был обаятельным, невероятно красивым и казался добрым. В окружении отца – своего окружения у членов его семьи, по сути, не было – крутились только хищники и стервятники.

- Мы ведь даже незнакомы, – привела аргумент я.

- Так давайте познакомимся. Как вас зовут?

- Мелена.

- Мелена и все?

Я кивнула. Фамилия Берроуз в Палм-Бич известна всем и каждому.

- Тогда я просто Марк.

Я пожала протянутую, приятно горячую ладонь и села в машину. У меня сегодня день нарушения запретов. Восхитительное чувство!

– Вы живете в Палм-Бич или отдыхаете? – решила на беседу, когда автомобиль выехал на оживленный бульвар.

– Работаю. Приехал ненадолго, – Марк повернулся и, коротко улыбнувшись, сказал: – Я родился и вырос на Кайманах.

– О! Я не была, но слышала, что там чудесные пляжи.

– У вас тоже ничего, но с Малым Кайманом не сравнится, – он притормозил у тротуара. Приехали. К сожалению, дорога была совсем не дальней.

– Спасибо, что подвезли, – я открыла дверь и вышла из машины.

– Будь осторожней, Мелена. Ты обязана дожить до двадцати одного и выпить со мной шампанского, – Марк игриво подмигнул и, поймав мою смущенную улыбку, спортейдж сорвался с места. Вот так неожиданно мои неприятности обратились в умопомрачительные сероглазые приятности. Жаль ненадолго.

На фестиваль я так и не попала – отец наказал. Он часто это делал, дай только повод: не то сказала, посмотрела, улыбнулась. Я уже привыкла. Но сейчас все было по-другому. За негаданную встречу я готова была вытерпеть, что угодно. Если бы не решила на покупку билетов... Да, всю последнюю неделю я мечтала о Марке. Он будоражил воображение и даже пробрался в мои сны. Я понимала, что, скорее всего, мы больше не встретимся – при моем образе жизни этого вообще не должно было случиться. Папа контролировал все и всех, точнее, меня и маму: шаг вправо, шаг влево – ему обо всем докладывала охрана.

– Дорогая, – в комнату вплыла мама, отвлекая от посторонних мыслей. – Ты готова? Гости начали собираться.

Сегодня все сливки Палм-Бич стеклись в особняк Гордона Берроуза – почтить богатейшего человека города. Гостей, приглашенных мной, практически не было, хотя праздновали мой день рождения.

– Детка, какая ты взрослая, – мама провела пальцами по моим волосам, таким же как ее собственные, – и красивая.

– Нет, это ты красивая.

Маму я обожала. Она была самым близким мне человеком, лучиком света. Она – моим. Я – ее. Она ангел и даже внешность это подтверждала. Джоанна Берроуз была самой красивой женщиной Палм-Бич! По-настоящему светлые волосы с серебристыми всполохами, сейчас собраны в элегантную прическу, ясные небесно-голубые глаза, тонкие черты лица и фигура богини. Все знакомые отмечали наше поразительное сходство, но это было ложью – мне до нее далеко. Но я радовалась, что не унаследовала мутные глаза отца и грузную фигуру. Он был старше мамы на пятнадцать лет и напоминал быка с корриды, особенно, когда выходил из себя: яростно раздувающиеся ноздри и глаза, в которых не оставалось ничего человеческого – я передернула плечами, отгоняя образ, слишком часто его видела. Таким он бывал только дома, срывал маску respectable бизнесмена и политика. Бедная мама. Только она умела обращаться с ним в таком состоянии. Я даже не представляла, чего ей это стоило.

– Давай наденем диадему, – она аккуратно водрузила мне на голову изящное украшение. Прекрасное дополнение к образу невинной девушки. На мне было легкое струящееся белое платье, волосы, закрученные в небрежные локоны, полностью закрывали спину, косметика только подчеркивала молодость и свежесть – отец любил хвастаться своей собственностью. Сегодня будет его триумф.

– Пойдем, – мама подтолкнула меня к двери, – нужно поторопиться, иначе папа разозлится.

Я взглянула на нее и порывисто обняла, согреваясь ее теплом. Со стороны могло показаться, что наша жизнь идеальная, сытая и довольная. Но мы жили в золотой клетке с тяжелыми замками, очень тяжелыми...

Гости вальяжно устроились за круглыми, украшенными дикими орхидеями и крокусами столами. Оркестр превосходно играл «Believer», официанты подавали угощения, а большой стол для презентов просто ломился от подарков. Меня поздравляли душевно и мило, как умели все эти люди. А притворяться они умели отлично: дежурные улыбки, формальные пожелания – даже я успела усвоить, что мир больших денег не терпит настоящих лиц, только маски.

– А вот и они, – услышала низкий и громкий голос отца, который беседовал с двумя мужчинами, лиц которых не разглядеть – мелкие светлячки-фонарики ослепляли. – С моей женой, Джоанной, вы уж знакомы, а вот и дочь.

Они подошли достаточно близко, я едва сдержала потрясенный вздох. Этого не может быть! Марк?!

– Эта моя дочь – Мелена, – отец нахмурился, заметив мою нерасторопность – я должна вести себя как настоящая хозяйка. – Мелена, – с нажимом произнес, – Это Грей и Марк Нортманы, наши партнеры.

– Очень приятно, – выдавила я, подавая руку.

– Поздравляю с днем рождения, юная леди, – старший из братьев галантно поцеловал мне руку. А вот высокий лоб Марка прорезала напряженная морщинка.

Только не выдавай! – мысленно молила я. Он, заметив мою растерянность, подыграл, делая вид, что мы незнакомы.

– У вас красивое имя, Мелена, – его губы, сухие и теплые, легко коснулись руки, а горячо стало в душе. Я затрепетала, опуская глаза, пряча за смущением радость от нежданной встречи. Как после такого не поверить в судьбу?!

Оркестр заиграл вальс, и Марк повернулся к отцу:

– Вы позволите?

Отец благосклонно кивнул, позволяя увести меня на площадку для танцев.

– Просто Мелена, значит? – с ироничной улыбкой поинтересовался Марк и плавно повел меня в танце.

– Прости, просто... – я замялась, прежде чем искренне признаться: – Если папа узнает, что я села в машину к незнакомцу... – я не договорила: почему-то мне показалось, что Марк и так все понял.

- Ты боишься его?

- С чего ты взял?

- По глазам прочитал.

- Отец, он... он... - подбирала слова я. Тиран, деспот, диктатор, манипулятор - все ему подходило. - Он - тяжелый человек и иногда пугает меня.

Марк опустил голову, внимательно изучая мое лицо. Кажется, его удивила моя откровенность, но мне хотелось довериться ему. Не знаю почему, просто хотелось. Возможно, потому что он казался надежным и сильным - я едва до плеча ему доставала даже на каблуках. А еще его горячие ладони обжигали даже через платье.

- Не думал, что у Гордона может быть такая дочь, - задумчиво проговорил, очаровывая серым туманом, которым светились его глаза. Кажется, я схожу с ума.

- Какая такая?

Марк загадочно улыбнулся:

- Такая хорошая девочка.

Это было насмешкой, доброй, но все же. Увы, он считал меня всего лишь милым ребенком.

Музыка погасла, как упавшая звезда, и отец театральным взмахом руки остановил оркестр. Он благодарил гостей, улыбался и шутил, но я не слушала, совсем не слушала: моя кожа до сих пор горела от целомудренных прикосновений случайного знакомого, который оказался совсем неслучайным человеком. По крайней мере для меня.

- Что? - переспросила я, когда мама подтолкнула к сцене. Я так размечталась, что не услышала, что папа желал послушать мою игру на фортепиано. Мне надлежало сыграть Шопена, но так захотелось удивить Марка, что я, откинув

клап, заиграла первые аккорды «Listen to your heart», когда пришло время я запела. У меня было чистое и правильное сопрано, которое украшало любую композицию – по крайней мере мне так говорила миссис Харрис. Мне хотелось опровергнуть мнение, что я правильная, тихая и послушная, хотя, в общем-то, так и было. Пальцы порхали по клавишам, а слова лились легко, из самого сердца. Никогда я не испытывала такого удовольствия от музыки. На меня смотрел, меня слушал... мужчина.

Последние аккорды заглушили бурные аплодисменты, вероятно, поэтому отец все же выдал сухую улыбку, но взгляд все равно обещал долгий и тяжелый разговор. Я ведь ослушалась, а папа не любил сюрпризов...

– Я не приготовил подарка, – улыбнулся Марк, когда мы неспешно брели по тихой аллее, укрытые стеной могучих кипарисов, вдали от праздничной суеты. Он нагнулся и, сорвав травинку, вручил мне.

Я удивлялась, что Марк, красивый молодой мужчина, возится со мной, вчерашней школьницей, но было приятно, поэтому я решилась:

– Не подумай, что я распушенная, но... – резко остановилась, поворачиваясь к нему, пока смелость не покинула: – Меня никогда не целовали, и я хотела, чтобы это был ты.

Марк удивленно вздернул бровь, но больше ничем не выдал, что мой напор ошеломил его. Подошел близко, обдавая свежим ароматом океанского бриза, которым пахла его кожа. Взял двумя пальцами за подбородок, проводя большим по нижней губе, чуть оттягивая ее.

– Уверена? – гипнотическим шепотом спросил.

– Да, – тихо выдохнула, дрожа всем телом: от страха и предвкушения.

Марк обвил мою талию и привлек к груди, размазывая меня о гладкую ткань белоснежной сорочки. Зарылся пальцами в волосы, прихватывая у корней, задирая голову. Его губы были мягкими, а поцелуи жесткими и настойчивыми. Он не знакомил меня с миром плотских удовольствий, он толкал в них, заставляя тянуться к нему, обнимать за широкие плечи, чтобы не утонуть, не разбиться об острые камни реальности, не лишиться своего воздуха. Сейчас он у нас один на

двоих.

– Мелена, – шепнул он, коснувшись моих ягодиц, сжал и впечатался в меня бедрами. Я испуганно уперлась руками в плечи, страшась его реакции, но больше своей – низ живота налился истомой и невыносимым тянущим чувством.

Я пошатнулась, когда он резко отступил и низким голосом прорычал:

– Беги, малышка Мелена.

– Но...

– Беги, я сказал.

Я побежала – слишком опасно сузились его глаза: в них что-то бурлило и накалялось, грозясь снести все на своем пути.

Я бежала вдоль аллей и тихих пустынных беседок, клумб с пышными розами и высоких зарослей кустарника. Остановившись, пригладила волосы и отдышалась, успокаивая сумасшедшее сердце. Музыка доносилась сюда фоном, чем-то абстрактными, а вот стоны, женские, тягучие, были вполне реальными. Я понимала, что не должна подглядывать за расслабившимися гостями, но меня влек хриплый, едва слышный шепот. Нет, этого не может быть...

Я заглянула за поворот небольшого лабиринта из высоких зарослей барбариса и зажала рот рукой – мама?! Я видела стройные загорелые бедра, обвивавшие талию Грея Нортмана. Слышала порочные запретные звуки секса. Ее мольбы не останавливаться.

Я попятилась назад, убегая в противоположную сторону. Мама изменяет отцу?! Боже, как она могла?! Если он узнает... Мне даже подумать страшно, что сделает. Как она может так рисковать? Нами рисковать! Да, это было малодушно, но меня не беспокоила честь отца. Я боялась, что будет со мной и с ней, если об этом станет известно! Ох, мама...

Оставшиеся до праздничного фейерверка полчаса я была сама не своя: рассеянная и усталая. Даже первый поцелуй и вспышки желаний ушли на второй

план, уступив место страху. Страсть была для меня неизведанной, а вот страх перед отцом и его яростью знаком.

По чернильному небу разливались яркие вспышки, складываясь в красивые узоры, а я только мечтала, чтобы все поскорее закончилось. Хотела пережить, переварить этот день, полны открытий – не все из них приятные.

Я обернулась, пытаюсь поймать взгляд матери: спокойная и красивая, как всегда. Вот только у меня перед глазами иная картина. Смогу ли я забыть? Смогу ли смотреть на нее прежними глазами. Смогу ли принять, что мама не ангел, а просто женщина?

Отец тоже смотрел на нее и выглядел странно. Именно этого взгляда я боялась больше всего: со злобным огоньком в глубине мутно-голубых глаз. Казалось, что все демоны ада вселились в уважаемого бизнесмена, упорного политика и законченного семьянина. Гордон Берроуз становился злым и жестоким за дверями своего роскошного особняка.

Вечер вымотал, выпил меня до конца. Хотелось уснуть, а проснуться и помнить только упоительные поцелуи Марка Нортмана. Я дотронулась до губ, погладила их как делал он. Откинулась на подушки и осторожно сжала грудь. Приятно. Его представлять приятно. Думать, что он касается меня. Прикрыла глаза, вызывая его образ: высокомерно вздернутый подбородок, властная манера держаться, уверенность в каждом жесте... Странный звук вырвал из сладкого забвения. Я медленно поднялась, подходя к двери. Дом был огромен и в этом крыле жили только мы. Прислуга обитала на противоположной стороне.

Я открыла дверь, выглянула осторожно. Звуки исходили из спальни родителей. Я оценила расстояние: раз я слышу, значит, что-то серьезное происходит.

– Нет, прошу, нет!

Дверь на другом конце коридора распахнулась, и я увидела маму: в том же вечернем платье, волосы всклокочены, в голосе страх и мольба.

– Ты чертова шлюха! – Отец замахнулся, обрушивая на хрупкую фигуру тяжелые кулаки. – Я убью тебя! – завопил он

– Мама! – я кинулась к ней. – Мамочка!

– Мразь! Тварь! – Каждое слово отец сопровождал жесткими ударами.

– Нет, пожалуйста, нет! – я бросилась к ней, закрывая избитое тело своим. Я не узнавала ее. Красивое ангельское лицо было все в крови! – Мама, мама!

– Мелена, быстро в комнату! – взревел отец, отдирая меня от безжизненного тела.

Она ведь в обмороке? Она не умерла? Боже, молю, пусть она будет живой!

– Шлюха, – он пнул ее еще раз, – и ты, – ткнул в меня трясущимся от ярости пальцем, – вырастешь такой же, если не принять меры!

Он достал телефон и коротко вызвал охрану, а я трясущимися руками убирала окровавленные светлые волосы с лица матери. Отец с силой оттащил меня от нее и командовал в миг появившимся мужчинам в черных футболках:

– Уберите ее отсюда.

– Мама! Мамочка! – вырывалась я, рыдая навзрыд. Пожалуйста, не оставляй меня! Пожалуйста! Я хочу с ней!

Отец потащил меня к моей спальне и толкнул внутрь, с силой захлопывая дверь. Все, моя жизнь закончилась. Я осталась один на один с чудовищем...

Марк

Мы с братом перед вылетом решили поужинать в симпатичном ресторанчике рядом с пляжем. Отец еще вчера ждал с отчетом и результатами, но пришлось задержаться – после удачной сделки нельзя было отказывать Гордону Берроузу, тем более что с отцом они знакомы не один десяток лет, хотя друзьями их назвать сложно. У Гордона в принципе не могло быть друзей – слишком

неприятный тип. И я не думаю, что так кажется только мне. Но работать с ним на взаимовыгодных условиях – одно удовольствие. Его не совсем легальные доходы надежно спрятаны в офшорах нашего финансового конгломерата на Кайманах, и он за это прекрасно платит. А вчера мы оформили отличную сделку с муниципалитетом Палм-Бич: Гордон за определенный процент надавил куда следует, и тендер на застройку прибрежной линии у нас в кармане. Скоро во Флориде будет новая сеть отелей класса люкс. Отец будет доволен.

– Какая встреча! – услышал и обернулся. Помяни черта...

– Мистер Берроуз, – Грей вежливо улыбнулся, но я-то знал, чего стоило ему с ним любезничать.

– Как хорошо, что вы еще не улетели, – Гордон сделал знак официанту и присел. – Не против, если я присоединюсь?

– Ну что вы, – ответил я.

– В договоре в мэрии напортачили, нужно переподписать, – он положил передо мной документы. Юридические тонкости и право подписи были моей вотчиной. Пока я изучал контракт, у них с братом завязалась светская беседа.

– Есть один клуб, – слушал вполуха я. – Девочки просто конфетки, все делают, любой каприз.

– Готово, – я вернул договор.

– Ну так что, отметим сделку? – Гордон выразительно хлопнул по папке, улыбаясь.

Странно. Все это странно. Первый человек в городе сам приезжает и привозит документы, потом предлагает сходить в бордель. И выражение глаз... Подозрительно недоброе, что ли. Не нравится мне все это, очень не нравится.

– У нас самолет через два часа, – сухо отказался я. Шлюх я и на Кайманах вдоволь потаскаю, а Грей слишком влюблен в Джоанну Берроуз, чтобы повестись на продажную страсть. Хотя, для отвода глаз можно и покувыркаться

в компании старого борова Гордона.

– Задержим вылет еще на пару часов, – он достал телефон, связываясь с аэропортом.

Мы с Греем быстро переглянулись, и он обаятельно ответил:

– Почему бы и нет!

Мы приехали в ночной клуб и вошли с неприметной стороны – Гордона, судя по лизоблюдской реакции персонала, знали здесь хорошо.

– Не нравится мне все это, – тихо сказал Грею, поравнявшись с ним.

– Расслабься. Иногда ты чересчур подозрителен.

Я мрачно хмыкнул. С Греем у нас были по-настоящему братские отношения, но этот ветер в его голове. Ему двадцать семь, старше меня на четыре года, но просчитывать наперед, оценивать риски, не лезть в драку, если знаешь, что не выйдешь из нее победителем так и не научился. Порой он совершал глупости. К примеру, трахать жену Берроуза – большая ошибка. Гордон может улыбаться и выглядеть, как добрый дядюшка, но голову откусит и не поморщится – никаких угрызений совести.

Мы спустились по лестнице, окунаясь в фиолетово-красный мир порока. Девушки ходили обнаженными, не считая тонких золотых цепочек, идущих от шеи к талии, а у некоторых они шли вдоль узких полосок на лобке и терялись в складочках половых губ. Запахи благовоний и кальяна, томные улыбки и порочные стоны. Даже мой деловой настрой спустился ниже, кровью ударил в пах.

– Моего племянника Билла, вы знаете, – весело заметил Гордон, хлопнув того по плечу. Мы обменялись рукопожатиями и устроились в укромном уголке.

Раскурили кальян, выпили и сыграли партию в покер. Ставками выступали здешние проститутки. Выигравший выбирает первым. Спасовавший раньше других оплачивает удовольствие.

– Поздравляю, – весело хмыкнул Грей. Мы рассмеялись. Настроение определенно устремилось вверх, как и мой член. А вот Билл выглядел так, словно последнюю рубашку отдает. Не умеет с достоинством держать удар. Неудачник. Не потому что проиграл, а потому что злится на победителя.

– Выбирай! – Гордон театрально раскинул руки, обводя голых молоденьких красоток. Не одной нет старше двадцати. Оно и понятно: клиентура такая, что встает через раз и только на юную задницу.

Симпатичная тоненькая блондинка с голубыми глазами с самого начала привлекла внимание. Взгляд игривый, а в глубине глаз страх. Новенькая, наверное.

Мы закрылись в випе. Она танцующей походкой подошла, склоняясь надо мной, острыми сосками мазнув по щеке. Я закурил предложенную самокрутку. Затянулся глубоко, задерживая дым внутри, купаясь в нем. Туман и легкость заполнили голову, сметая барьеры.

– Чего ты хочешь? – томно шепнула девушка, облизнув пухлые губы. У меня в глазах реальность померкла – интересно, что за траву они забили, потому что передо мной стояла и медленно оглаживала себя не оплаченная шлюха, а Мелена Берроуз. Юная сладкая девочка. Совсем не мой типаж. Слишком хрупкая. Нежная, как цветочек. Покорная и кроткая, как тень, следующая за хозяином. Но красивая очень. Даже странно, что подонок Гордон смог породить такое ангельское создание.

Я понимал Грея – Джоанна Берроуз была аппетитной красоткой, но ее дочь со временем станет еще лучше. Девственные, нетронутые губы вчера возбуждали меня. Невинный поцелуй со вкусом порока.

– Мелена, – я ощутил на языке эти шесть букв, возбуждаясь от запретных мыслей. Член окаменел, вздыбливая ткань брюк. Вероятно, у меня не будет возможности сорвать эту ягоду, но я ведь могу сублимировать. – Поиграй со своей щелкой, – мягко приказал, расстегивая ремень, выпуская на волю жесткий ствол.

Девушка медленно и игриво водила пальчиками по промежности, прикусывая нижнюю губу, дразнила меня и заводила. Стонала громко, словно член уже таранит ее влажную дырочку. Я вторил ей, неспешно надрачивая, растягивая

удовольствие. Увы, шлюха не Мелена, а у меня правило: не засовывать член в щелки общего пользования. Разве что...

– Подойди, – поманил пальцем, широко разводя ноги. Она опустилась на колени. Я потерся тугой пунцовой головкой о влажный рот, толкнулся внутрь, входя на полную. Стриптизерша издала гортанный звук и зачастила с дыханием, но заглатывала исправно. Я затянулся в последний раз: тело стало легким, и только член жил острой распутной жизнью. Оргазм прокатился по стволу, вырывая из горла полурык-полустон:

– Да... – выдохнул я, кончая ей в рот, глубоко разбрызгивая горячую сперму.

Как отключился не помню, а вот очнулся резко, со странным холодом, прошившим спину. Что за траву мне подсунули в этом дорогом гадюшнике не знаю, но пора забирать Грея и валить отсюда. Девушки уже не было – оно и к лучшему, настрой на трах выветрился, как легкое похмелье. Я неспешно застегивал брюки, когда внимание привлекла какая-то возня за дверью.

Рывком распахнул ее, огляделся и пошел на сдавленные звуки. Дурное предчувствие сжало грудь. Грей. Не даром мне весь вечер казалось, что Гордон бросал на него злобные взгляды. Неужели узнал о связи брата с женой?

Быстро прошел по коридору, попутно открывая двери, так, на всякий случай. Вдруг Грей все еще развлекается с какой-нибудь доступной красоткой. Нет, не развлекается. Я нажал на ручку – она не поддалась. Уперся и ударил плечом, настежь распахивая. Увиденное поразило нереальностью. Этого не может быть!

– Грей! – Я бросился к брату, лежавшему на полу ничком, а перед ним Гордон с закатанными рукавами. Ублюдок!

– Держите его, – скомандовал двум громилам, на которых я в запале не обратил внимания. Но и я не был маленьким и хилым, а еще во мне кипела ярость. Порву голыми руками за брата! Почему же он лежит так тихо? Вставай, Грей, вставай! Кулак врезался в небритую челюсть одного охранника, другой размазал лицо о мое колено. На пути к брату столкнулся с Биллом, схватил, занеся руку, но остановился: он стоял зеленый, с опущенными испуганными глазами – явно не получал удовольствие от происходящего. Отбросил его с дороги, замешкавшись долю секунды – это было моей ошибкой: на голову опустилось что-то тяжелое.

Сознание я не потерял, но теперь меня били, не оставляя живого места. Блядь.

– А вот и второй братец, – Гордон со злорадством улыбнулся. Я дернулся, но держали меня на совесть. – Теперь ты уже не такой красавчик, – он снова вернулся к Грею. Меня беспокоило, что во время потасовки брат так и не очнулся. Ублюдок Берроуз пнул его, переворачивая. Я заревел зверем раненым. Мрази! Конченные мрази! На животе брата расплылось большое красное пятно. Этого не может быть. Не может! Он должен жить! Должен!

– Ты ответишь за это, – с мрачной решимостью выплюнул я.

Гордон демонстративно вскинул руку и посмотрел на часы, затем довольно отметил.

– Никто вас искать не будет. Самолет, которым вы вылетели три часа назад, уже как пятнадцать минут пропал с радаров. Его никогда не найдут. Океан большой. А я буду скорбеть вместе с твоим отцом, – он даже притворно вытер несуществующую слезу.

– Ублюдок.

– Это вы с братом ублюдки! На мое позарились, – зашипел Гордон. – Но я буду милостив и не убью тебя. Ты будешь гнить в тюрьме: без имени, без срока, без права на освобождения – ни жив и ни мертв. Станешь никем. И будешь каждую минуту помнить, что собственность Гордона Берроуза – неприкосновенна! Если бы твой братец не сдох, он бы составил тебе компанию. Уберите ублюдка.

На меня обрушился град ударов, потом я отключился. На пять долгих лет выпал из жизни...

Глава 1

Марк. Пять лет спустя

Меня жгла, переполняла ненависть. Ярость билась в висках с каждым восходом и закатом. Благодаря ей я выжил. Не сломался, не опустил, не поддавался отчаянию и тоске, накатывавшей в первое время особенно часто – остро, будто ножом по сердцу. Чтобы выбраться и отомстить мне нужно было жить, копить силы и ждать момента. Это стало установкой, маяком в океане жестокой реальности. Я принял ситуацию, признал тюрьму с ее суровыми законами: научился убивать для защиты и по приказу. Понял, что здесь нет правых и виноватых, есть только стремление забраться выше, чтобы править среди тех, кого жизнь не пощадила. Я никогда раньше не бывал в тюрьмах, но эту можно было смело назвать более чистой версией ада: практически круглосуточная изоляция, никакой цивилизации, пытки, как со стороны заключенных, так и охраны.

Я научился держать под контролем боль, гнев, печаль и воспоминания о прежней жизни, а вот месть смаковал. Желание покарать распространилось на всех, кто носил фамилию Берроуз. Никого не пожалею, никого не пощажу!

Время шло. Мое тело потеряло следы молодой сытости. Оно высохло и налилось сталью крепких мускулов, а мозг стал острее бритвы. Я обзавелся силой, связями и влиянием. Пять лет в аду – пора прощаться. На воле меня ждали родные. И не ждали враги.

Первый звонок в дом моих родителей сделал из тюрьмы – мне понадобилось четыре с половиной года, чтобы получить доступ к телефону. Мы не говорили долго: единственное, что ему нужно было делать – ни в коем случае не прекращать сотрудничество с Гордоном Берроузом. Остальное расскажу, когда войду в родной дом. Еще полгода я готовил место для приемника в этом чертовом аду. Да, я не буду убивать убийцу брата. Я буду упиваться его мучением. Ему, в отличие от меня, не удастся избежать пожизненного заключения в личном филиале чистилища на земле. Да, Сатана постарался, но, как оказалось, даже с ним можно договориться.

Именно поэтому в первый день лета я, одетый в полицейскую форму, с документами на имя Родриго Кортеса, глубоко вдохнул ароматный воздух воли. Я жив, полон уничтожающей ярости и готов драться даже с самим дьяволом. Помоги бог, в которого я больше не верил, моим врагам!

Девять с половиной часов, и я приземлился в аэропорту Большого Каймана. Джорджтаун встретил суетой, теплым, наполненным йодом ароматом моря и

давно забытым облегчением. Я дома. Наконец дома.

Я вошел на виллу через тайный ход, который знали только члены семьи: ни с прислугой, ни с гостями, если таковые в это время были у отца, я встречаться не хотел. Сад пестрел яркими тропическими цветами. Сладкий запах кружил голову, навевая воспоминания: здесь я вырос, жил, любил, но я не чувствовал себя прежним. Я не стану им, пока не отчищусь, пока огнем и острым ножом не вспорю язву, отравляющую меня. Потом. Потом начнется новая жизнь.

- Марк? - отец заметил меня, встав с плетеного кресла. Черные волосы знатно посеребрились, сам похудел и осунулся. Пять мучительных лет не прошли даром. - Марк, это ты? - тихо, с неверием.

Да, я сам себя не узнавал: тюрьма закалила тело и душу, а сердце вообще дотла выжгла.

Мы крепко обнялись, обмениваясь родным теплом, кровью, быстро побежавшей по венам, сердцами, забившимися в одном ритме.

- Что произошло? Что с Греем? Пять лет. Мы похоронили вас...

- Я все расскажу, - мрачно сказал я. - Только сначала хочу стать собой.

Отец сжал губы, но настаивать на немедленном разговоре не стал. Да, это правильно. Я понимал его нетерпение, но сперва должен избавиться от вонючих коповских шмоток.

- А где мама? - осмотрелся, удивляясь, что она до сих пор не на террасе. У нее же слух острее, чем у пантеры! - Скажи ей, что я жутко голоден.

- Сын... - отец странно посмотрел на меня, с горчинкой во взгляде. - Иди... потом... все потом. Иди, твоя спальня ждет тебя.

Я поднялся на второй этаж, задержал на мгновение ручку, с силой сжимая, и толкнул дверь - в груди предательски защемило: кровать застлана бледно-голубым, даже на вид хрустящим бельем, ореховый пол натерт до блеска, а в центре яркий пушистый ковер; двери на балкон распахнуты, тонкие занавески

плавно взлетали, и можно расслышать крики чаек, облюбовавших портовый берег – ничего не изменилось, словно и не было тяжелых пяти лет.

Я рывком сбросил пропотевшую одежду с чужого плеча, стремительно шагнув в сторону ванной. Стал под обжигающий душ и наконец смыл с себя вонь американской тюрьмы. Набросил полотенце на узкие бедра и подошел к зеркалу: бритье не заняло и двух минут, а вот кривая усмешка долго не сходила с губ – от Марка Нортмана, пять лет назад вошедшего в элитный бордель в Палм-Бич, не осталось ничего, разве что глаза, но и они потеряли прежнее выражение, отражая исключительно мощную решимость поквитаться с врагами. Скулы заострились еще больше, жесткая складка губ, хищный разлет бровей – да, не быть мне больше обаятельной душой компании. У меня и души-то больше нет.

Я сбросил полотенце и вошел в гардероб: все разложено и развешено с педантичной аккуратностью – наверняка, мама постаралась. Рубашки по большей мере оказались малы. Незадача. За прошедшие годы мое тело налилось силой и дышало агрессией. Мышцы четким рисунком выделялись на смуглой коже. Я долго и упорно тренировался, чтобы выжить, чтобы стать идеальной машиной для убийства. Нет, насилие не стало моей страстью, но оно стало орудием. Без него в этом мире никуда, как это ни прискорбно.

Футболка обтянула широкие плечи и грудь, пряча татуировку на всю спину: грозный лев, вцепляющийся оскаленной пастью в шею – символизм в каждом ударе иглы. Так будет с моими врагами. За то, что лишили меня брата, дома, семьи. За слезы матери и горе отца. Стальные глаза безжалостно сузились – я больше не ведал снисхождения. Я думал, что ненавидеть больше просто невозможно, через час понял – можно.

Мы стояли на старом кладбище «Ватлер». Даже ветер замер в кронах тонких миндальных деревьев, словно грустил по ушедшим, не смел беспокоить прах мертвых.

– Она не страдала, – шепнул отец, положив на могильную плиту любимые матерью дикие орхидеи. – Тихо ушла во сне. Не смогла смириться со смертью детей.

Я стиснул челюсти, сжал кулаки. Как же так! Как, блядь, это могло произойти?! Мама. Цветущая красивая женщина, веселая и нежная... Я посмотрел на наши с Греем надгробия. Еще одна жизнь, еще одна душа на счету семьи Берроуз. Я погладил костяшками пальцев фотографию с буйным темными кудрями и большими серыми глазами.

Селеста Мария Нортман, мама, светлая память, мы будем скорбеть о тебе вечно.

– Я клянусь, мама... – дальше я продолжил про себя. Я отомщу за нашу семью. Я растопчу, уничтожу виновных. Отниму деньги, власть, лишу близких. Пока не останется ничего, только пустая оболочка. Бешеный пес, которого нужно пристрелить, но и тогда я не сжалюсь, не смилуюсь. Гордон Берроуз займет мое место. Я хочу, чтобы он полностью прочувствовал падение с вершины и закончил жалкое существование забытым и никчемным. Ничто и никто не остановит меня. – Я клянусь, мама...

Мне кусок в горло не лез, а вот от предложенного виски не отказался. Отец со стуком поставил на стол большую бутылку – мы устроились напротив друг друга, молча пригубив терпкий напиток. Отдавали дань памяти.

О гибели Грея я рассказал по дороге домой, потом тихо поделился последними годами своего существования. То была не жизнь, а выживание.

– Я убью его! – отец с яростью стиснул бокал.

– Это слишком просто. Я приготовил ему особое блюдо, – в упор посмотрел на отца. – Мы лишим его всего. Деньги и власть – самое большое сокровище Гордона Берроуза.

Отец согласно кивнул, задумчиво поглаживая тонкий ободок стакана.

– Нужно объявить о твоём возвращении.

– Чудесном, – тонко улыбнулся я и предложил: – Я готов стать ещё одним Робинзоном Крузо.

Папа оценил идею, скупым подрагиванием губ.

- Берроуз продолжает хранить деньги у нас?

Рот отца скривился, став горькой складкой. Я понимал, что он сейчас чувствует: принимать соблезновения и утешения от убийцы... Три души пропали по вине Гордона Берроуза. Я хоть и жив, но моя давно отправилась в преисподнюю. И я приду за долгом, спрошу строго, с процентами. Даже дьявол будет милостивей.

- Он был на ваших похоронах и на маминых... - сдавленно произнес отец.

Ублюдок! Мерзкий выродок! Порвать бы его голыми руками, сейчас, немедленно! Я мысленно приказал успокоиться, смирив гнев. Рано. Пока еще рано. Достойная месть не терпит суеты.

- Прежде чем я воскресну, нужно обнулить счета Берроузов.

- Все? - уточнил отец.

Я усмехнулся. Папа все еще был совестливым, был человеком, а я больше нет. Мы отберем все, даже то, что ублюдок Гордон записывал на свою милую дочурку. Дочь... Мелена Берроуз. Я попытался воскресить в памяти юную тоненькую блондинку. Она мелькнула размытым, нечетким пятном. Ничего, я узнаю ее, изучу, заберу.

Собственность Гордона Берроуза - неприкосновенна!

Вспомнились слова палача моего брата. Да, для Гордона даже семья была объектом купли-продажи, а ее члены марионетками, живыми куклами. Я лишу его игрушки. Здесь, на Каймановых островах, наша семья наделена практически безграничной властью. Здесь никто не найдет крошку Мелену. Ее отец будет знать, где она, кем стала - шлюхой в моей постели, причем добровольной, - и ничего не сможет сделать. Став мэром Палм-Бич, он наверняка трясется над имиджем и репутацией - о, я ослаблю его! Не будет ни карьеры, ни денег, ни семьи даже в его извращенном понимании.

– Я лично сделаю проводки. Спрячу деньги так, что никто не найдет, – я хищно улыбнулся. – Их нет и никогда не было.

За следующий месяц мы состряпали слезливую историю о выживании после крушения самолета. Давно у мировых СМИ не было такого шикарного и оптимистичного материала. Информацию растиражировали далеко за пределами Кайманов – весь мир писал обо мне. Кто бы знал, что моя минута славы будет вот такой! Мою мрачность списали на акклиматизацию и социализацию и окрестили загадочностью, завалив приглашениями на ток-шоу. Что же, популярность сейчас только на руку. Скоро информация дойдет и до убудка Гордона. Вот так сюрприз будет! А пропажа миллионов с его офшоров станет приятным дополнением и далеко не последним в длинном списке «казней египетских», приготовленных для семьи Берроуз.

В работу я окунулся с особым рвением: заново тренировал мозг, заставлял думать, анализировать. Это отвлекало от тяжелых мыслей, помогало концентрироваться на первостепенных задачах. Мне нужна холодная голова и трезвый рассудок, чтобы осуществить задуманное.

– Ваш кофе, мистер Нортман, – промурлыкала симпатичная стюардесса. Я взглянул на нее поверх экрана ноутбука: знойная брюнетка, со стоячими сиськами и пухлым влажным ртом. Перелет над Атлантикой в самом разгаре, почему бы не расслабиться, тем более девица уже битый час жопой возле меня крутит. – Что я еще могу для вас сделать?

Я отложил ноутбук и спросил с обманчивой мягкостью:

– А что вы готовы для меня сделать, – взгляд на бейдж, – Бритни?

Она облизнула губы, явно смущаясь – не ожидала, что ее заигрывания найдут отклик. Точнее, найдут так быстро, прямо сейчас. Сейчас или никогда, детка.

– Расстегни блузку, – тихо скомандовал. Бритни быстро обернулась, осматриваясь, но это ни к чему: на борту только я, два пилота и она. Наманикюренные пальчики пробежались по пуговицам, освобождая пышную грудь в белом кружеве.

– Подними юбку.

Она повиновалась беспрекословно, даже не краснея. Трусики в тон. Прозрачные, сексуально демонстрирующие аккуратно выбритый лобок. Член ожил, остро потершись о белье. Я погладил нежные складочки через тонкое кружево, безошибочно находя кнопку зажигания. Стюардесса закусила губу и тихо застонала – в нос ударил запах возбуждения. Сдвинул трусики и размазал вдоль промежности обильную смазку, ныряя пальцем в дырочку и возвращаясь к пульсирующему клитору.

– Нравится?

– Очень, – выдохнула она.

Я хмыкнул и расстегнул ремень, освобождая налитый стальной силой член. За полтора месяца свободы я наверстал упущенные возможности. Поначалу казалось, что ствол никогда не упадет, но пресыщение всегда приходит, даже если перед тобой изысканные яства.

Я поднялся и усадил милашку Бритни в кресло. Потерся членом о влажные губы и сжал грудь. Соски крупные, темные – никогда не любил такие, но на разок сойдет.

– Давай, крошка, поработай ртом, – сказал мягко, а вставил до конца, не давая вздохнуть. Пять лет воздержания не поменяли моих принципов – шлюх можно долбить только в рот. Стюардесса оказалась первоклассной соской. Принимала в самое горло, не забывая массировать яички. Я намотал на кулак волосы, врезаясь в нее, задавая ритм, приближая развязку: порочные пошлые шлепки подстегивали, будоража, задавая остроты. Бритни пыталась отодвинуться, ослабить хватку на волосах. Дышала судорожно и хлюпала носом, но я лишь взвинчивал темп, работая ее головой, как игрушкой. Я кончил в рот, в самое горло, не оставляя шансов. Увы, время сантиментов, ухаживаний и куртуазности выветрилось за долгие годы изоляции. Остались только грубость и жесткость, по-другому я больше не мог. Или ты имеешь или тебя. Третьего не дано. Но я готов заплатить за неудобство.

– Держи, – достал двести долларов и бросил на столик. Поправил одежду, взял ноутбук и пересел на противоположный борт. – Принеси другой кофе, этот

остыл.

Я больше не глядел в ее сторону. Мне нужно сосредоточиться на другой женщине. В Палм-Бич меня ждет Мелена Берроуз, правда, она об этом еще не знает.

Мелена. Пять лет спустя

– Достаточно скромно? – я повернулась к Дороти Твигс, нашей экономке, единственному человеку в этом доме, который относится ко мне с теплотой. Ей не нравилась эта работа, но она привыкла ко мне и не хотела бросать одну. Да, такое бывает: чужой человек, не связанный с тобой кровными узами, любит больше родного отца и мужа.

Миссис Твигс осуждающе поджала губы и, взяв шелковый перламутровый платок, повязала его на моей шее.

– О! – смущенно опустила глаза. Синяк. Еще один. – Пожалуй, лучше другое, с высокой горловиной.

– Передо мной тебе не нужно оправдываться и отчитываться.

Она пошла в гардеробную и принесла платье. Не менее отвратительное, чем то, что я собиралась надеть изначально. Горчичного цвета вельвет по колено. Мне не нравилось, совсем не нравилось, но этого от меня требовали – скромности и элегантности. С годами я все больше и больше походила на мать, и отец ненавидел меня за это. Ее он называл не иначе как шлюхой и не собирался допускать, чтобы и я стала такой же. После ее исчезновения (я даже мысленно не могла произнести, что мамы, возможно, больше нет) за мной зорко следили: в колледж и обратно, всегда с охраной, под конвоем. У меня не осталось подруг, друзей мужского пола тем более. Мой диплом, стремления, мечты – все это обесценили, словно и не было никогда Мелены Берроуз, мечтавшей путешествовать, петь, любить. Хотя нет, любви вообще нет. Не бывает ее. Теперь я это точно знала. По крайней мере в моей жизни.

– Мама, где ты? – прошептала я, собирая белокурые волосы в строгий пучок. Жива ли она? Я хотела верить, что да. Отец – злой, грубый, бесчеловечный, но ведь не убийца. Не убийца же?

Гордон Берроуз официально считался вдовцом. Были даже похороны. Он как обычно подкупил, кого следовало. Хотел похоронить даже память о маме – это его слова. Но для избирателей он – скорбящий вдовец, это в свое время добавило очков. Но я-то знала, что он с моим мужем завсегда в разносортных борделях.

Я не осмеливалась говорить о матери, спрашивать о ней, боялась вызвать его ярость, но сама вспоминала каждый день. Только мама могла успокоить отца. Видит бог, ей приходилось терпеть невыносимые вещи, чтобы он насытился. Теперь я знала, ведь сама стала женой. И я даже понимала, почему она завела молодого любовника: ей хотелось мужского тепла, любви, нежности. Мне бы тоже хотелось, но для меня это невозможно – я замужем.

– Готова? – Билл, одетый в смокинг, сшитый на заказ, без стука вошел ко мне. По-хозяйски осмотрел, недовольно поджал губы и выразительно бросил взгляд на часы. Мы не опаздывали – я точно знала, но мой муж старался перенять привычки моего же отца, поэтому считал особым видом извращенного удовольствия попрекать меня по поводу и без. Нет, он не осмеливался бить меня, но грубо хватать – за руки, шею, бедра – это же не бить, даже если остаются следы. Вот такая извращенная логика.

– Иду, – я взяла сумочку и вышла из спальни. Единственное, за что я каждый день благодарила бога, что спали мы по-светски – в разных спальнях, правда, это не всегда спасало.

На День Благодарения нас пригласили в роскошный особняк Салли Меллоун, новой звезды на финансовом небосклоне восточного побережья Флориды. Обычно пышные приемы проводил отец в нашем доме на Фледжер-Роуд, но время идет, статус-кво неминуемо меняется. В городе появились новые люди, связи, деньги. Я точно знала – слышала ругательства в сторону миссис Меллоун – что отец в бешенстве от того, что приходится считаться с женщиной.

Я взяла бокал шампанского, поддерживая ничего незначащую беседу с женой первого советника мэра, моего отца, и осмотрелась, ища взглядом мужа. Ага,

вон он: вьется вокруг хозяйки дома и ее симпатичной дочери. Мы с ней примерно одного возраста, только она выглядела знойной молодкой, а я чувствовала себя уставшей старухой. Билл улыбался, ему улыбались в ответ.

Билл был достаточно привлекательным: загорелый блондин, не слишком высокий, но неплохо сложенный. Я могла понять женщин, у которых он вызывал определенные симпатии, но лично меня от него оторопь брала. Каждое прикосновение вызывало желание оказаться подальше. Как в первый раз, когда Билл приветственно коснулся моей руки – ощущение, что рептилия ладонь сжала. У него холодные руки. Всегда холодные.

Билл громко рассмеялся, активно жестикулируя – лизоблюдством занимается. Отец по официальной версии сколотил состояние на пищевой промышленности – по неофициальной я даже знать не хотела, – теперь вот в политику подался. Интересы у него разнообразные. А вот у моего мужа вообще ничего своего нет: куда Гордон Берроуз туда и Билл Берроуз. Да, он взял нашу фамилию, отцу польстить. Не удивлюсь, если мой муж по наводке тестя окучивает женскую половину семьи Меллоун. Я плечами передернула, прогоняя воспоминания. Не хочу сейчас думать о нем, тем более он явно не думает обо мне.

Через час улыбок и льстивых заверений в дружбе, которые мы как неофициальные представители должны были передать господину мэру, находившемуся в отъезде, у меня жутко разболелась голова.

– Спасибо, Салли, – я искренне пожала руку хозяйке дома, сильной и уверенной женщине, которой я когда-то мечтала стать, но уже не стану. – Прекрасный праздник.

– Я рада, что вы выбрались, приятных выходных.

На этой ноте я отправилась искать мужа – уехать мы должны вместе, а потом, надеюсь, он отправится в ночной загул.

– Вы не видели Билла? – я переходила от одной компании гостей к другой, по кругу огибая площадку особняка в викторианском стиле, пока не оказалась в доме. Не мешало бы поймать кого-нибудь из домашней прислуги и попросить таблетку от головы.

Поднялась наверх: кто-то сказал, что видел Билла на втором этаже в районе библиотеки. Открывала двери наугад, на четвертой удача улыбнулась, хотя нет – под дых ударила.

Мой муж со спущенными штанами трудился над дочкой Салли. Он брал ее сзади. Он всегда делал это только так. Ее сдавленные задушенные стоны и его тихое рычание пошлым эхом от стен отражались. Я прикрыла дверь, морщась, словно меня в грязи вываляли.

Я знала, что Билл мне изменяет, но знать и видеть своими глазами не одно и то же. Меня затошнило. От мужа, отца, окружающий и даже от себя самой. От своей жизни. Я бросилась по коридору и, открыв дверь уборной, меня вывернуло. Рвало долго и мучительно. Жаль, что несмертельно.

– Ты какая-то бледная, – заметил Билл, когда мы оказались дома. Я не ответила, только бросила на него уничтожающий взгляд и принялась подниматься к себе. Ехать в машине и сидеть рядом было пыткой. Я не ревновала, мне просто было противно. И от себя в том числе. Это не первая измена – я терпела, и, вероятно, буду продолжать терпеть. Отец не допустит развода. Билл тоже ни за что не отдаст курицу, несущую золотые яйца, а уйти, сбежать – я никогда не осмелюсь. Я ненавидела себя за эту трусость.

– Что за бойкот? – Билл поднялся за мной, не давая захлопнуть перед ним дверь. Сорвал бабочку и сбросил смокинг, разглядывая меня внимательно. И я решилась.

– Я видела тебя с дочкой миссис Меллоун. Я знала, что ты не уважаешь меня и наш брак, но так откровенно это демонстрировать... Отцу вряд ли понравится...

Я надавила на больную мозоль – на страх перед благодетелем – и отвернулась, снимая серьги. Пусть уйдет, не могу видеть его.

– А что мне делать?! – агрессивно набросился на меня Билл. Он всегда так делал. Никогда не признавал вину. – Если я с тобой не получаю разрядки! – резко подскочил и задрал подол платья, аж швы затрещали.

– Пусти! – Я попыталась убрать руку, стиснувшую лобок и неприятно царапавшую промежность.

– Ты же фригидная! – распалялся Билл. – Вся сухая и холодная! Трахать тебя – все равно что труп!

– Убирайся! – разозлилась я, с силой отталкивая его. – Не смей прикасаться ко мне!

– Что?! – взвился Билл. – Забыла, что ты моя жена? Я напомню.

Он грубо схватил меня и, бросив на спинку дивана, придавил пахом, раздвигая ноги.

– Нет, пожалуйста, не надо! – извивалась я, почувствовав холодные руки на ягодицах.

– Я покажу тебе как характер показывать! – Билл грубо рванул трусики, и в меня уткнулась крупная головка. Я слышала, как он плюнул и растер слюну по тугому колечку мышц.

– Пожалуйста... – испуганно затихла, ощущая, как член пробивается внутрь. Больно, боже как больно! Я постаралась расслабиться, чтобы стало легче, но не смогла. До крови закусил губу, глотая молчаливые слезы. Господи, пусть это побыстрее закончится. Пожалуйста, пожалуйста...

– М-мм, – замычал Билл, вколачиваясь со всей силы, пока не излился. Он шлепнул меня по ягодице и отправился к себе. Я медленно разогнулась, ощущая неприятную резь внутри, и поплелась в ванную.

Вода была обжигающе горячей: пар окутал меня, создавая иллюзию потустороннего мира, где нет боли и страха. Сначала я терла себя мочалкой, сдирая кожу, чтобы смыть с себя следы той мерзости, что со мной сделали. Всегда делали. Затем опустилась на кафель, пряча лицо в коленях. Какая я жалкая. Какая трусиха. Отвращение к себе переполняло.

Я привыкла быть тихой, покорной. Моя личность с детства была под колпаком, а после исчезновения мамы все стало еще хуже. Меня задавили, не позволили раскрыться. Я навсегда останусь куколкой, не стану бабочкой. Этот ад со мной до конца. Иногда мне хотелось умереть. Просто не проснуться однажды утром.

Но и на то, чтобы взять в руки свою смерть, если уж не могу взять под контроль жизнь, у меня не хватало смелости. Если бы мама была рядом, если бы...

Как я жалела, что у меня не было брата. Возможно, тогда отец не приблизил бы Билла, троюродного племянника, не сделал его преемником и наследником, не выдал бы меня замуж за чудовище. Отец любил все контролировать, а Билла можно контролировать. Гордон Берроуз по-прежнему глава семьи.

Я тяжело вздохнула, жалобно всхлипнув, и тихо запела. Музыка – единственная отдушина. Я играла и пела, когда ненавистных мне мужчин не было дома.

Прислушайся к своему сердцу

Когда он зовет тебя

Прислушайся к своему сердцу

Ты ничего другого не можешь сделать

Я не знаю куда ты собираешься

И я не знаю почему

Но прислушайся к своему сердцу

Прежде, чем сказать ему прощай

Слова той самой песни, которую пела на свое восемнадцатилетие, закапали с губ, как горячие слезы. Тогда у меня еще могло быть иное будущее: была мама, подруги, любовь... Я закрыла глаза, воскрешая в памяти образ Марка Нортмана. Стальные с туманной поволокой глаза, острые скулы, темные волосы. Крепкое тело, надежное плечо... Он подарил мне первый поцелуй, жаркие объятия, зажег огонек неизведанного. Оно и сейчас неизведанное. Меня никто больше так не целовал, не возбуждал страсть.

О его гибели я узнала из новостей и ни на секунду не поверила, что это произошло случайно. Слишком чудовищное стечение обстоятельств. Не удивлюсь, если отец участвовал в этом. Но при мне семья Нортман никогда не обсуждалась.

Утром я спустилась к завтраку и сразу поняла, что отец вернулся. Из кабинета доносилась отборная брань. Что случилось, интересно? Я осторожно подкралась к кабинету и остановилась возле неплотно прикрытой двери.

- Он вывел мои деньги! - кричал отец. - Обокрал меня, сученыш!

- А если обратиться к властям? - услышала настороженный голос мужа.

- Ты идиот?! - отец выверился на него. - Как я налоговой объясню происхождение этих денег! Сукин сын! - Я не знала, кто обставил отца, но была благодарна ему. Значит, справедливость все же есть! А за преступлением всегда следует наказание. - Нужно было пристрелить и его вместе с братцем! Ублюдки Нортманы!

Я закрыла рот ладонью, едва сдерживая вопль. Так вот что произошло?! Грея, брата Марка, убили, а он сам... Авиакатастрофы не было, получается?! Боже... Мой отец и муж чудовища. Я это и раньше знала, но хладнокровное убийство... Потом замерла, пораженно закусив губу: Марк жив. И он вернулся...

Глава 2

Мелена

Я незаметно опустилась в кресло на четвертом ряду небольшого театра Уэст-Палм-Бич. Здесь работала на полставки миссис Харрис, мой педагог по вокалу. На репетициях она играла на фортепиано и помогала артистам ставить голос. Иногда даже позволяла мне садиться за инструмент, а сама муштровала молоденьких актрис. Я обожала это время. У меня был час на себя и свою мечту. Это было моей отдушиной - в театре все надевали маски, а я снимала. Здесь я

становилась собой. Хотя нет, той, которой мечтала быть. Всего на час. Даже меньше, чем было у Золушки.

Правда, сегодня я не стремилась на сцену – мысли совсем о другом. Два дня я ходила сама не своя. Все думала о Марке. Понимала, что для меня его возвращение ничего не меняет. Он и не помнит уже девчонку, которая выскочила ему под колеса, а потом просила о поцелуе. Но я была счастлива уже от осознания, что он есть. Где-то там живет, дышит, улыбается. А еще меня переполняла странная эйфория от его изощренной мести отцу. Да, это удар по всей семье Берроуз, но мне хотелось смеяться. Эти деньги для меня никогда ничего не значили. Пусть Марк мстит. И за меня тоже, хоть и не знает об этом.

Кто-то сел рядом, обдавая острым запахом пряностей и океанской свежести. Я повернулась, уткнувшись взглядом в синий спортивный пиджак, подняла глаза и забыла, как дышать. Мужчина моих грез и тайных желаний сидел рядом, изучая меня пронзительными серыми глазами.

– Марк?! – тихо воскликнула, узнавая и совершенно не понимая, кто передо мной. Он стал знакомым незнакомцем. Его лицо, взгляд, хищный разлет бровей – все это я не раз воскрешала в памяти, не хотела забывать. Но в том молодом мужчине была легкая насмешка над всеми и даже над собой, приятная мягкость и доброта, а сейчас одного взгляда хватило, чтобы оценить самоуверенную властную мужественность и волнами исходившую опасность. Да, хищников я научилась распознавать.

– Здравствуй, Мелена, – гипнотически низкий голос окутал бархатом, погладив везде, даже в самых запретных местах. Он улыбнулся скульптурно вылепленными губами, и я поняла, что пропала. Пять лет словно и не было. Мне снова восемнадцать, а он – мужчина моей мечты.

– Боже, Марк, – я больше не сдерживалась, – я думала ты умер! Я так рада, что ты жив. Очень рада!

Мы были знакомы всего ничего, а хотелось броситься ему на шею и рассказать, как я счастлива видеть его.

– Я тоже рад, – со странной иронией отозвался он, не отводя от меня глаз. – Пообедаем вместе?

– Я бы с удовольствием, но не могу.

Если отец или Билл узнают... Даже представить страшно, какой меня ждет скандал. А в свете подслушанного разговора о пропавших деньгах – лучше не рисковать.

– Не бойся, – Марк словно бы мысли мои прочитал, – больше тебя никто не обидит, – и протянул мне руку, крепкую, сильную, загорелую. И я поверила. Вот так просто. Вложила свою ладонь, утопая в обжигающем тепле. Марк казался скалой, монолитом, за ним можно спрятаться, укрыться, переждать бурю. Тем более это просто ланч двух давних знакомых.

– Меня должен забрать водитель через сорок минут, – на всякий случай предупредила. Не хочу объясняться и отчитываться перед отцом, когда ему поступит доклад, что я внепланово отлучалась.

Марк тонко улыбнулся и весело поинтересовался:

– Тебя стерегут?

– Контролируют, – откровенно призналась я.

– Большой и злой дракон?

– Два очень злых дракона.

Перед нами распахнулась задняя дверь тонированного черного кадиллака «Эскалейд». Я на мгновение заколебалась, ощущая себя маленькой девочкой, ступающей на опасный путь. Мне было тревожно. Большая черная машина воспринималась демоном, готовым увезти прямиком к грешным мечтам, а мужчина рядом – самым дьяволом, способным подарить сладкий ад на земле.

Я подняла глаза на Марка. Он ничего не сказал, только взгляд блеснул сталью. Я подчинилась, кожей почувствовала, что отказа он не примет. Ему в принципе нельзя было сказать «нет»!

Мы устроились на террасе колоритного французского ресторана, вдали от посторонних глаз, и я была благодарна за это. Не хотелось бы встретить знакомых, которые потом бы судачили о ланче со сногшибательным незнакомцем. Я ведь только с Биллом выходила обычно.

Марк придирчиво изучал меню, выбирая самые изысканные блюда. Да, я позволила сделать заказ и для меня. Так я могла, не отвлекаясь и не боясь быть пойманной за неприличным разглядыванием, изучить мужчину, которого, по сути, не знала. Никогда не знала, но очень хотела узнать.

Его юность прошла, но она не сгладила углы, наоборот: черты лица скульптурно-вылепленные, суровые, мужественные. В нем не было ни капли изнеженности, отметин пресыщенной жизни заядлого сластолюбца, которые уже коснулись внешности моего мужа. Про отца и говорить не стоит – пороки давно исказили его тело и душу, если она вообще была у него.

От Марка исходили волны какой-то нереальной притягательности, завораживающей и темной. Мрачный и загадочный Марк Нортман – кажется так гласил заголовок одной из газет. Я их все изучила за последние два дня, выучила на зубок каждую строчку.

Я отвела глаза, нервно переплетая пальцы. А еще Марк был красив. Опасно, волнующе красив. Это немного нервировало. Ведь я из прелестной юной девочки превратилась в блеклую замужнюю женщину. Не запущенную, просто не расцветшую.

– Извините, – официантка смущенно улыбнулась, стреляя глазами в моего спутника, – вы, случайно, не Марк Нортман?

– Да, это я, – с полуулыбкой отозвался он.

– Вау! Я смотрела шоу Опры! Вы были бесподобны! А ваша история просто невероятна!

– Тогда вы знаете, что я часто недоедал, накормите нас, Эшли.

– Конечно-конечно, – засуетилась девушка, бросив на меня совершенно незаинтересованный взгляд. Наверняка подумала: что чопорная замухрышка делает в компании такого красавца?

– О чем она? – спросила я, сделав вид, что не интересовалась им. Маленькая ложь, чтобы не выглядеть слишком навязчивой.

– Ты не смотришь телевизор? – насмешливо бросил Марк.

– Очень редко.

– Это история о том, как я выживал на острове в океане, после авиакатастрофы, – он остро посмотрел на меня, словно понять что-то пытался. Но я теперь ни в чем не уверена: была ли катастрофа, как убили Грея Нортмана и как Марку удалось выжить, где бы он не находился?

– Я слышала кое-что, – решила признаться. Не знаю почему, но к нему доверия было больше, чем к родным. – Отец кричал, что ты лишил его денег, которые прятали в офшорах? – про брата решила не говорить – интуитивно чувствовала, что эту тему лучше не затрагивать.

– Да, это правда, – с легкостью признал Марк. Он не боялся ни осуждения, ни закона. – Тебя это беспокоит?

– Нет.

– Совсем? – кажется, он был удивлен.

– Совсем.

– Это правильно, потому что я намереваюсь разорить твоего отца.

– Почему ты мне это говоришь? Я ведь могу предупредить...

– Что с случилось с твоей матерью, Мелена? – задал вопрос Марк, проигнорировав мое замечание.

– Не знаю, – хриплым шепотом проговорила. Марк определенно знал многое. Ему нет смысла рассказывать про ее якобы автокатастрофу. – Я не видела ее пять лет. Я не знаю...

Передо мной поставили ароматный луковый суп с поджаристыми крутонами, но аппетит пропал. Больше опасных тем мы не касались, обсуждая искусство и музыку. Пока Марк не спросил, выбивая из колеи безжалостной прямоотой:

– Ты счастлива с мужем?

– Нет, – мне даже время на раздумье не требовалось.

Марк кивнул самому себе и поднял бокал с розовым вином, которое, очевидно, принесли, пока я отлучалась в уборную.

– За встречу.

– За встречу, – хрусталь звонко столкнулся, заставляя меня смущенно отвести глаза. Было в этом что-то интимное. Во взгляде Марк горел опасный огонек, словно он охотился и наконец поймал добычу. И мне стыдно было признаваться, но я хотела быть пойманной. Его жертвой стать хотела. Наверное, я все-таки такая же порочная как мама. Или же как она просто хочу любви...

– Странно, – я схватилась за локоть Марка, когда он любезно поддержал меня. Я не прошла и пятидесяти ярдов, а уже трижды споткнулась. И голова мягким туманом наполнилась. Неужели от бокала вина?!

– Я помогу, – Марк усадил меня на сиденье, устраиваясь рядом, близко настолько, что наши колени встретились.

– Мне нужно к театру, – проговорила, с трудом поднимая ресницы. – Не понимаю ничего...

– Не переживай, малышка Мелена, – услышала ироничный шепот. – Скоро ты будешь дома.

Глаза окончательно закрылись: последнее, что помню, как опустила голову на твердое плечо, вдыхая, искушающий аромат мужского тела. Кажется, я улетела на небеса. И я даже не представляла, что через полчаса действительно окажусь в небе...

Марк

Мы летели уже около двух часов, а Мелена до сих пор спала. Вывести из страны спящего человека та еще задача, но у семьи были связи в воздушной авиации США, а у меня на руках паспорт на имя жены, Мелены Нортман, которая боится летать и перебрала с успокоительным. Вопросов у команды частного бизнес-джета, которым владел наш финансовый конгломерат, не возникло. Еще бы! Им не за это платят.

Сейчас я медленно потягивал бурбон, смиряя бушевавший внутри адреналин, притупляя вкус победы – рано ликовать, все только начинается. Я повернулся, внимательно посмотрел на похищенную мной молодую женщину – пять лет тюрьмы позади, но до того я никогда не преступал закон, финансовые хитрости ни в счет. Именно в тюрьме я стал преступником, вот и результат – юный и пугливый. Во сне Мелена казалась еще моложе. Волосы удивительного светло-серебристого оттенка, густые и... – коснулся выбившейся прядки, мягкие – уложены в уродский пучок, пухлые губы немного приоткрыты, длинные едва тронутые тушью ресницы беспокойно дрожат. Даже во сне напряжена. Темная юбка и пиджак представляли жуткое зрелище. Как можно так подобрать дорогие дизайнерские шмотки, чтобы полностью уничтожить женскую привлекательность? Нет, для восьмидесятилетней старухи очень даже ничего, но не для двадцатитрехлетней молодой женщины. Красивой женщины. Мелена была забитой, тихой, покорной, но по-настоящему красивой.

Ничего, скоро я узнаю, что спрятано под жуткой шелухой, которую на нее нацепили. Попробую на вкус и с великой точностью определю, насколько сладок этот плод. Успел ли созреть? Мне не было стыдно за то, что украл ее, и угрызения совести не будут мучить за то, что собираюсь с ней сделать. Им просто ни к чему больше взывать, а Мелена настолько наивна и доверчива – мне доверилась! – что соблазнить ее можно в одно мгновение. Но ради своего мрачного удовольствия я помедлю и наслажусь ее добровольном падением в мои

распутные объятия, условно добровольным, конечно.

В восемнадцать лет она возбудила во мне мужской интерес, но теперь я ничего к ней не чувствовал, даже банального желания оттрахать. Это нужно исправить. Рядом со мной должна быть женщина, горячая и соблазнительная, а не безвольная тень. Мелена должна расцвести как ее шлюха-мать. Из-за ее аппетитной задницы убили Грея. И из-за его безрассудства, конечно. Они оба виноваты: брат уже поплатился. Джоанна, вероятно, тоже. Не удивлюсь, что ее смерть тоже на совести ублюдка мужа. Подонок!

Я смирил гнев, ударивший в голову, стоило вспомнить тот злополучный вечер, и снова посмотрел на Мелену. Я сотворю из этой кроткой мышки искусную шлюху. Научу основам порока. Войду в нее, ядовитой страстью по венам растекусь. Она научится доставлять удовольствие и гореть от наслаждения. И главное, чтобы ее папаша узнал, что его дочери нравится все, что я с ней делаю. Чтобы все локти сгрыз от того, что они обе – и мать, и дочь – просятся в постель к Нортманам. С точки зрения физиологии это самая приятная часть моей мести. Но настоящее удовлетворение познаю, приведя в исполнение весь план.

Глаз зацепился за тонкий ободок обручального кольца. Билл Берроуз – жалкий тип. Как Мелена согласилась выйти за него? Таких трусов и лизоблюдов еще поискать. Хотя понятно, почему Гордон взял его в зятя – чтобы собачкой комнатной ноги хозяйские вылизывал.

Интересно, почему он еще не заделал Мелене ребенка? Сколько они женаты? Года три? Если бы речь шла о ком-то другом, то можно было бы подумать о возрасте и желании пожить для себя, но не в этом случае. Странно, что Билл не привязал жену ребенком, точнее, себя к этой семье. Тяги не хватает? Я мрачно ухмыльнулся. Возможно, я помогу ему. Если Мелена забеременеет – это будет мой подарок семье Берроуз. Пусть знают, что растят потомка Нортманов. Я нахмурился: нет, им нельзя даже котенка доверить. Тем более ребенка. Если такое случится, то я посмеюсь над ними, наслажусь эффектом, но и близко не подпущу к нему. А Мелена... Выполнив отведенную ей роль сможет быть свободной и делать, что хочет. Меня это касаться не будет. Я обещал, что ее больше никто не обидит. И ее не обидят. Никто, кроме меня.

Она заворочалась, облизнув пересохшие губы, ресницы дрогнули и через секунду глаза открылись. Ярко-голубые, ясные и большие. Как ангелочек, ей-богу! Приятно будет сделать его падшим.

– Марк... – прошептала, потирая виски. – Что произошло?

Я нажал на кнопку вызова стюарта. Он материализовался в воздухе, услужливо улыбаясь.

– Воды принесите.

Мелена благодарно посмотрела на меня. Девочка еще не понимает, куда попала и что ее ждет. Она жадно пила прохладную воду, уронив пару капель на тонкую шею. Член шевельнулся в брюках – хороший признак. Значит, есть у малышки Мелены потенциал.

– А почему... – она нахмурилась, осматриваясь. Ее лицо, как открытая книга: она только сейчас осознала, что находится в самолете. – Что... Как?! Куда мы летим?!

– Помнится, ты как-то обмолвилась, что не была на Кайманах. Я решил исправить это недоразумение.

– Исправить? – с неверием переспросила она. – Ты похитил меня?!

– Можно и так сказать.

– Но меня будут искать!

– И не найдут, – жестко ответил и во избежание слезливых сцен предупредил: – Мелена, теперь ты принадлежишь мне. Это плата за грехи твоего отца.

– Но... – изумленно начала она. Я не дал сказать, прикасаясь пальцем к влажным губам. Затем потянулся к шпилькам, вынимая их и бросая на пол.

– Я хочу, чтобы ты была красивой, готовой, отзывчивой, ты поняла меня?

Она продолжала хлопать глазами. Переваривает. Окей, я дам ей немного времени на адаптацию. Совсем чуть-чуть.

На следующий час она буквально застыла, не отводя взгляда от иллюминатора и без конца комкая подол черной юбки. Это порядком раздражало. Что за пресную особу вырастил Берроуз?! Тихая и бледная моль. Я криво усмехнулся. Все же права была мама, упокой господь ее душу, говоря, что красота в женщине не главное. Мелена Берроуз тому подтверждение.

– Ты голодна? – ноль реакции. Так, надоело мне это. Я ведь велел быть отзывчивой во всех отношениях. Я схватил ее за руку, крепко, но стараясь не причинить боли, и перетащил к себе на колени. Мелена только ахнула, даже не сопротивлялась. Бесхребетная тень.

– Да как ты... Что ты себе позволяешь? – негромко воскликнула, не зная, куда деть руки.

– Сними эту чертову маску мамочкиной девственницы! – сказал и агрессивно огладил бедра, задирая ненавистную юбку еще выше. – Перестань мямлить!

– И что я должна сделать?

– А что полагается в этих случаях? – Я обхватил ее ягодицы, вдавливая в себя. В брюках стало теснее. Мне нравились дерзкие и страстные женщины, секс с которыми – сплошная борьба. Но ради эксперимента можно и папенькину отличницу отыметь.

– Чего ты от меня хочешь? – Мелена уперлась мне в плечи, отталкивая, испуганно сглатывая. Начинает меня бояться, правильно делает.

– А как ты думаешь? – Я провел пальцем через ткань именно там, где нижние губки расходятся, и удивленно приподнял бровь. Даже так? Смял хлопковый клочок и коснулся нежных складочек – да мышка-малышка Берроуз уже мокрая! Ее горячая дырочка истекала соками. Я дернул, наслаждаясь треском швов, вглядываясь в перепуганное лицо. Головой боялась, а тело хотело, чтобы его трахнули. – Я все еще не заслужил пощечины? – поинтересовался с насмешкой и поднял на уровень глаз ее трусики.

– Прекрати... – выдавила, заерзав: то ли вырваться пыталась, то ли терлась клитором об меня. Какой интересный экземпляр. Муж, видать, плохо с супружеским долгом справлялся, раз жена от малейшего намека на секс течь

начинает. Даже мне, практически незнакомцу, отдаться готова.

– Больше ты такое убожество носить не будешь, – я поморщился, не оценив практичность повседневных трусов, и отбросил их в проход. – Когда я рядом – вообще белье носить не будешь.

– Марк, не нужно, – Мелена попыталась свести бедра – что было нереально с учетом позы – когда я медленно по кругу начал обводить возбужденный клитор, размазывая прозрачную смазку по всей промежности: от тугого колечка мышц до гладкого лобка.

– Нужно, – шепнул и поймал ее губы, настойчиво раздвигая языком, врываясь в горячую податливость ее рта. Мягкая и сладкая. Плод определенно созрел, и складывалось ощущение, что ждал только меня. Сначала несмело, робко даже, но Мелена ответила, пробегаясь язычком по моим зубам. Я активно заработал бедрами, не прекращая терзать ее губы и мять ягодицы. Имея через жесткую ткань брюк. Врезаясь напряженным стояком в разгоряченную щелку. Не думал, что мышка-малышка сможет меня возбудить, да и сама дышит рвано, тяжело, тонкими пальцами за плечи мои цепляется, под ритм подстраивается.

– Хочешь кончить? – спросил, прижавшись к ней бедрами в плотную, проскользнуть в этот грот огненный желая.

Мелена испуганно замерла, инстинктивно облизнув сочные истерзанные губы. Заливаясь краской от макушки до шеи.

– Хочешь?

Она опустила голову, несмело кивнув. Мои губы растянулись в дьявольской улыбке. Рано, мышка-малышка, это только начало. Посходи с ума пока. Чтобы потом сама на член запрыгнула и берегла, как драгоценность. Облизывала, как сладкую конфетку и подставляла все свои дырочки для него, без вопрос и капризов. И без трусиков, естественно.

– Посадка скоро, – спокойно сказал, не слушая зова члена и звона в яйцах. У него тоже будет кратковременное воздержание, чтобы сполна насладиться распутной готовностью Мелены.

Я подхватил ее под бедра и усадил на место, юбку эту страшную отдернул и даже ремень безопасности застегнул, с весельем поглядывая на озадаченное ангельское личико. Потом взял за острый подбородок, спрашивая:

- Ты ведь будешь послушной девочкой на паспортном контроле?

Милена сжала губы и отдернула голову, уставившись в окно, где уже гладкой бирюзой сияло карибское море. Наконец признаки характера. Это мне нравилось. Удовольствия трахать забитую мышку немного.

И, конечно, я ожидал, что она хотя бы попытается выкинуть какую-нибудь каверзу в аэропорту, но Мелена на удивление стойко приняла судьбу. Нет, было заметно, что она нервничает и напряженно глазами стреляет в разные стороны, но на помощь не звала и в похищении меня не обвиняла публично, да и не публично тоже. Она вообще преимущественно молчала, отвечая только «да» или «нет», пока мы не добрались до виллы.

Естественно, я не собирался привозить мышку-малышку в дом родителей. Ее я поселю на Малом Каймане. Просторная вилла на побережье, которой пользовались, когда прилетали гости или родня. Мелене здесь понравится: белоснежные пляжи с песком похожим на просеянную муку, бирюзовое море, нежнее теплого молока, и ласковое солнце круглый год.

- Чего ты от меня хочешь? - наконец спросила мышка, когда мы вновь остались одни, в спальне, которую она теперь будет занимать. Мои губы сложились в ироничную улыбку. Неужели в самолете я объяснил невнятно? Окей, буду доходчивей.

Она бросила опасливый, быстрый взгляд на огромную кровать и, увы, продолжила задавать вопросы, ответы на которые очевидны. Глупенькая мышка-малышка.

- Но в качестве кого я буду здесь жить?

- Наложницы, жрицы любви, услады в постели, любовницы, шлюхи - выбирай любое звание. Смысл у них один.

Мелена нахмурилась, но обошлось без истерик и заламываний рук. Отлично, не люблю театральщины. Ладно, теперь пора обсудить практическую сторону вопроса.

- Ты будешь жить здесь одна. Я буду навещать тебя время от времени. И брать с собой, когда это будет необходимо. Ты должна всегда быть готова принять меня. Ты должна всегда великолепно выглядеть. Ты должна улыбаться, кокетничать и выглядеть довольной.

- Что еще я должна? Прыгать по команде и подавать голос?

Я не выдержал и громко рассмеялся: никто еще не пытался так кротко и покорно иронизировать в отношении меня!

- Тебе понравится здесь, мышка-малышка. В гардеробной, - я кивнул на вычурную в стиле итальянского барокко дверь, - есть все необходимое и даже то, что тебе не пригодится. Если что - водитель в твоём распоряжении.

Я достал из кармана пиджака бумажник и бросил на стол несколько своих кредиток - хватит все скупить на этом острове.

- Не боишься, что я сбегу? - Мелена наконец подняла на меня свои огромные ярко-голубые глаза. После нашей сексуальной пятиминутки в самолете смотреть на меня прямо она избегала.

- У тебя красивые глаза, - улыбнулся я. Она снова опустила их смущенно. Блядь! Как же вытравить эту безвольную стыдливость, ненужную покорность и монашеское воспитание! Окей, будем действовать шоковой терапией.

- Разденься! - властно бросил, усаживаясь в плетеное кресло. - Я хочу убедиться, что у тебя не только глаза красивые.

- Что?! - ахнула мышка-малышка. - Но как же... Я ведь замужем...

- А кого это волнует?

Вспомнила! Когда терлась о мой стояк в самолете явно не о муже думала! Мелена – дочь своей матери. Сладкая шлюшка в монашеской упаковке. Уверен, когда разбуду ее чувственность, с члена она больше не слезет. Билл, конечно, жалкое чмо, раз его жена до сих пор краснеет, как доморощенная девственница. И ведь хочет меня. Это я еще в полумраке сада в особняке папаши Берроуза почувствовал, а в самолете убедился. Пять лет прошло, а она до сих пор хочет.

– Тебе помочь? – я даже привстал для ускорения. Мелена отступила к кровати, сглотнула шумно и, повозившись, сбросила пиджак. Крохотные пуговички кремовой блузки не слушались трясущихся музыкальных пальцев, но и она скоро упала на пол. Затем уродливая юбка. Мышка-малышка осталась в чулках, туфлях и лифчике, стыдливо прикрывая ладонями гладкий лобок. От трусов я ее избавил еще в воздухе. Член стремительно увеличился в размерах, остро потершись о белье. Да, лучше бы о бархатную кожу складочек на промежности потереться, смазку ее собрать и водить по всему телу, чтобы Мелена вся стала сосредоточением удовольствия.

– Всеними, – хрипло проговорил я.

– Но...

– Мелена, – с нажимом повторил.

Она сжала губы и потянулась к застежке, через секунду белый повседневный бюстгальтер упал к ее ногам. Мышка-малышка попыталась прикрыть грудь, но я пальцем велел не делать этого.

Мой взгляд ощупывал и ласкал, мягко скользя от тонкой шеи к острым розовым соскам, к крутому изгибу бедер и треугольнику между стройных ног. Мелена была хороша. Сиськи крепкие и стоячие, фигурка подтянутая, ягодицы упругие – трогал, знаю.

– Подойди! – скомандовал я. Мышка-малышка осталась стоять, воинственно вздернув подбородок. Хорошо, сам подойду. Остановился так близко, что напряженные соски коснулись белой сорочки. Неспешно провел линию меж грудей и обхватил правую, взвешивая на руке.

– Ну что, – склонился, шепнув ей в губы, – я все еще не заслужил пощечину? – и больно ущипнул тугую горошину.

Мелена вскрикнула и замахнулась. Я перехватил тонкую ладонь и рассмеялся. У котенка все-таки есть коготки в пепельной шерстке! Я прихватил ее губу, лаская коротким поцелуем, затем вздохнул в ухо:

– Я велю сжечь эти вещи.

Мелена задрожала и пошатнулась, когда отступил от нее. Я снял пиджак и накрыл острые плечи, пусть полелеет последние дни свою стыдливость.

– Каким ты стал... – не без горечи обронила она.

Да, я вернулся из ада и стал чудовищем.

– Таким меня сделали, – холодно бросил, пресекая разговор на данную тему.

– Оденься, в гостиной тебя будет ждать прислуга.

Я не успел выйти, услышав надрывный телефонный писк.

– Отец... – испуганно посмотрела Мелена.

О, о ней все-таки вспомнили!

– Ответь, – разрешил я. Мышка-малышка осталась стоять, не смея даже взглянуть на экран.

– Хорошо, давай я. Нельзя ведь заставлять волноваться папочку Гордона, – сказал с издевкой.

– Привет из преисподней, – весело произнес в телефон. Берроуз замолчал, яростно сопя в трубку, затем на меня полился поток оскорблений и угроз. Я здорово посмеялся, прежде чем отрезвить его: – А теперь ты послушай, жирный убудок: если дернешься – все твои многомиллионные откаты сразу же лягут на

стол налоговой, а если рискнешь прилететь на Кайманы – живым я тебя отсюда не выпущу. – Мне не нужно было, чтобы Гордон начал суетиться раньше времени и уходить в подполье: пусть думает, что, лишившись жирного куска своих капиталов и дочери, выплатил мне долг. Поэтому я шутливо добавил: – Я всего лишь развлекусь с твоей красавицей дочуркой, от нее ведь не убудет, – сказал с усмешкой, а сам на Мелену смотрел, серьезно и долго. Да, она обречена стать разменной монетой, но я хотел, чтобы мышка-малышка знала: то, что будет между нами, много больше, чем тупое порево. В конце концов я и ее освобожу от деспота отца.

– Я заберу его, чтобы тебя не отвлекал, – засунул телефон в карман и уже в дверях обернулся: – По поводу побега: с этого острова без моего ведома не сбежать. Но что-то мне подсказывает, что ты еще будешь умолять меня оставить тебя при себе.

Я оставил Мелену обживать и свыкаться с мыслью, что теперь она принадлежит мне, а сам полетел в Джорджтаун. У меня еще много дел. Неожиданные подарки для Гордона Берроуза еще далеко не закончились.

Я приехал в «Глобал-Юнион» и сразу отправился к отцу.

– Вернулся, – произнес он, приглашая меня пройти в кабинет. – Сара, принеси нам кофе.

Мы плотно закрыли двери и опустились в низкие кресла в софт-зоне. Отец закурил, шумно вдохнув запах любимых кубинских сигар. Я, как не парадоксально, в тюрьме избавился от никотиновой зависимости. Я вообще перестал от чего-либо зависеть. Теперь зависят от меня. Но запах хороших сигар, отменный виски и красивые женщины до сих пор доставляли мне удовольствие.

– Ты привез к нам девчонку Берроуза? – сухо констатировал отец.

– Я же сказал, что лишу их собственности. Всей.

– Она ведь замужем.

- Да, за ничтожеством.

Отец нахмурился, но спросил ровно:

- Ты собираешься принуждать ее к сожительству?

Я громко расхохотался, но это не беззаботный смех счастливого человека - это острое стекло по натянутым нервам ударило.

- Мне не нужно принуждать ее. Малышка Мелена сама ноги раздвинет и душу на блюде вручит, - шутливо ответил, затем мрачно и твердо добавил: - Я сделаю все, что придется. Я поклялся.

- Марк, сын, не позволяй ненависти сделать тебе хуже, чем ты есть.

- Поздно, - я поднялся и сжал его плечо, - она уже сделала.

Отец обеспокоенно покачал головой. Я предложил обсудить дела. С мышкой-малышкой сам разберусь, здесь мне советчики не нужны.

Следующие четыре дня мы подготавливали новый удар по Гордону Берроузу. На этот раз по бизнесу. Это должно стать грандиозным событием. Удар под дых. Но требовалась тщательная подготовка и планирование. Слишком велики могли быть последствия, если что-то упустить. Ничего, я подожду, чтобы потом громко посмеяться. Посмеяться последним.

Вернувшись на виллу, Мелену не обнаружил. Сальма выразительно подняла брови и кивнула в сторону пляжа. Я прошел через буйно цветущий сад и удивленно застыл. Моя мышка-малышка задорно смеялась, бегая по мокрому песку со щенком на длинных лапах. Он заливался восторженным лаем; она то бросалась в воду, то убегала от него по суши. Пес в море заходить не решался, но залиvisto поддерживал веселье.

Я сбросил футболку и расстегнул ремень джинсов. Мелена готова - значит, пора начать игру.

Глава 3

Мелена

Я ошалелым взглядом провожала широкую спину своего похитителя. Что это было?! Как вообще такое могло произойти со мной?! Опустила глаза на ноги в чулках, только сейчас осознавая, что стою практически голая, в одном пиджаке! Боже, казалось, что с той минуты, когда утром вышла из дома прошла целая жизнь. Еще вчера Марк Нортман был воспоминанием, а сегодня он целует и обнимает меня, втягивая в какую-то дьявольскую игру.

Я запахнула пиджак, шумно втянув жгучий мужской аромат: что-то пряно-острое с ноткой свежести, волнующее и опасное, как и сам хозяин.

– Мисс, можно войти? – я услышала деликатный стук в дверь, сопровождаемый приятным женским голосом.

Господи, я же не одета! Что обо мне подумают!

– Минутку, я... – что же я? – Минутку.

Я бросилась в гардеробную, на которую указал Марк, и пораженно застыла, оценивая размеры и наполненность: здесь было все, что только может понадобится женщине. Наряды на выход и повседневные, аккуратные стеллажи с обувью, сумки и аксессуары, не удивлюсь, что элегантно забито нижним бельем. Здесь даже меха были! Зачем мне норковое манто на острове?!

Я несмело провела пальцами по вечерним платьям. У меня таких никогда не было, но такие носила мама. Утонченные и изысканные, яркие и сексуальные, призванные подчеркнуть ослепительную красоту хозяйки. Отец любил хвастаться ее внешностью и выставлять на показ, чтобы мужчины слюной захлебывались от одного взгляда на его собственность. Неужели и меня они преобразят? Смогут ли тряпки из тени сделать роковую красавицу?

Глухой шум привлек внимание, и я схватила шелковый халат, откладывая в сторону спортивный пиджак Марка.

– Мисс, – улыбнулась мне симпатичная женщина испано-мексиканской внешности. Она была старше меня лет на десять и смотрела понимающе: она определенно знала для чего я здесь, поэтому о репутации можно не беспокоиться – ее уже нет. – Меня зовут Сальма, я буду помогать вам во всем.

– Миссис, – по привычке поправила я, но, заметив короткую улыбку моей новой помощницы, которую та спрятала в складках губ, согласилась: – Пусть будет мисс.

Возможно, здесь я почувствую свободу от ненавистного брака.

– Мисс, вилла в вашем полном распоряжении. Мистер Нортман велел исполнять любое ваше желание. Вы здесь хозяйка.

Даже так... Ладно, проверим.

– Любое желание, – задумчиво проговорила я. – А если я захочу вернуться в Штаты?

Сальма осталась возмутительно спокойной, даже глаз не потупила, объявив:

– Вы не захотите отсюда уезжать. Здесь рай.

Я не выдержала и улыбнулась. Когда я вернусь в Палм-Бич меня ждет чистилище, не меньше! Поэтому не буду туда торопиться!

– Перед ужином я хотела показать вам дом и сад...

– Ужином? – зевнув, нахмурилась я. Спасать хотелось очень, но светло, как днем. – Буду благодарна, Сальма, только сначала переоденусь.

– Как прикажете, мисс. – Она замялась, затем подошла к моим вещам, валявшимся на полу, и с извинением произнесла: – Мистер Нортман дал четкие указание относительно одежды, в которой вы прибыли.

Да, я помнила: он собирался ее сжечь.

Когда Сальма ушла, я задумчиво оглядела свою новую спальню: комната выполнена в форме пятиугольника с огромной кроватью, вазами, наполненными тропическими цветами, и ярким мозаичным полом. Двери на террасу распахнуты, и даже слышен ласковый шелест волн. Я даже ущипнула себя, не веря в реальность происходящего. Стало больно – значит, это не сон. Вот только хорошо это или плохо, пока не ясно.

С моих губ сорвался нервный смех. Марк похитил меня, чтобы наказать отца. И по иронии судьбы он его в самом деле накажет: не потому что меня любят, а потому что забрали собственность Гордона Берроуза.

Хотел ли Марк поквитаться лично со мной? Не думаю, но для достижения цели точно пойдет на все. Это я прочитала в его глазах, в решительности, с которой он определил мою участь. Не знаю, что произошло за эти пять лет – помимо гибели Грея, естественно – и вряд ли со мной будут откровенны, но чувствую: отец задолжал, крупно задолжал, задолжал самому дьяволу. И расплачиваться будет всем, что имеет.

Я улыбнулась, сначала несмело, затем даже тихо рассмеялась. В любом случае, если Марк думал, что я буду страдать вдали от отца и мужа, то крупно ошибся. Для меня это не наказание, а наслаждение.

Сразу вспомнились холодные руки Билла, отвращение, переполнявшее, стоило ему коснуться меня, боль, тупая, перманентная, от жестоких сеансов супружеского долга. Я передернула плечами. Хочу забыть. Забыть хочу! Хотя бы на время!

Я была не настолько мышкой-малышкой, чтобы не понимать, что от меня потребует хозяин этой виллы. За все нужно расплачиваться. В мире жестких мужчин ничего не дается бесплатно. Каким любовником будет Марк? Будет ли он только брат, истязая мое тело? Или же... Перед глазами ярко вспыхнула сцена в самолете: я у него на коленях, бесстыдно трусь о вздыбленную плоть; горячее дыхание, терпко-сладкие напористые губы... Внизу живота протяжно заныло, напоминая, что ничего не закончилось.

Я приложила руки к пылающим щекам. Какой стыд! Что обо мне подумать можно?! Хотя, кажется, Марк именно этого и добивался, чтобы мое имя стало синонимом падшей женщины. Я не сомневалась, что вскорости он исполнит

обещание и сделает меня своей шлюхой. И мне было страшно. Я боялась, что ему со мной будет так же плохо, как и Биллу, который мог возбудиться только через боль и унижение.

Спать с тобой то же самое, что трахать труп...

Так говорил мне муж. Он заставил меня поверить, что я фригидна. Нет, иногда, когда оставалась одна, я робко и стыдливо касалась себя внизу, достигая развязки. Но с мужчиной никогда. Билл был моим единственным мужчиной. Мужчиной, который убедил меня, что в постели я ни на что не гожусь. Я не умела доставлять удовольствие партнеру. В этом вопросе я никчемна.

Отчего-то я боялась разочаровать Марка. Жутко этого стыдилась – я ведь замужем, я клятвы давала! Но мне было страшно увидеть в его глазах то же недовольство, что и в глазах Билла. Если мой похититель окажется таким же монстром, как и муж – не переживу этого. Еще один мучитель уничтожит меня окончательно и бесповоротно.

Ладно, хватит умирать раньше времени! Я тряхнула волосами, которые небрежно распустил Марк, и отправилась одеваться. Выбор остановила на лимонном платье на тонких бретельках, обтягивающем, как вторая кожа, на пять дюймов ниже колена и с кокетливым кружевом по подолу. Оно пришлось мне точно впору и смотрелось изумительно. Я разглядывала свое отражение: неужели я могу быть такой?.. С силой пощипала щеки и зубами покусала губы, делая их ярче. Сейчас я была очень похожа на маму, и мне это нравилось. Я знаю, она была бы счастлива видеть меня такой: красивой, улыбающейся, свободной. В данный конкретный момент я свободна – нужно успеть насладиться этим пьянящим чувством. У меня есть, пусть и временно – до возвращения Марка – свой дом. Хотелось бы увидеть его.

Видно было, что Сальма обожает Кайманы: она с чувством расхваливала местный климат, кухню, природу, распахивая передо мной двери очередной гостевой спальни. Вилла была прекрасной: яркой, аутентичной, очень южной, без вычурности и ненавистного пафоса. Правда, одна деталь заставила меня потрясенно замереть, с неверием рассматривая инородный предмет в этом празднике легкости и океанической экзотики.

Сальма привела меня в просторную гостиную и первое, что бросилось в глаза – рояль. Белый, блестящий, новый. Было совершенно очевидно, что его поставили сюда недавно, потому что он абсолютно не вписывался в экзотический интерьер. На столе в корзине лежали кокосы и маракуйя, а на стене висело мачете, и вдруг рояль!

Стало приятно. Неужели Марк запомнил, что я играю? Кажется, у меня стокгольмский синдром. Я начинаю влюбляться в похитителя. Я подошла к инструменту, откинула клап и провела пальцами по клавишам, наполняя комнату нежными звуками. Прекрасно настроен.

– Показать вам пляж? – улыбнулась Сальма.

– Конечно.

Мы покинули дом и сразу попали в буйный тропический сад, поражающий яркостью красок, сладостью запахов и уютным стрекотом цикад.

– Это частный пляж, вас никто не побеспокоит: загорайте, купайтесь, отдыхайте, – говорила Сальма, а я пыталась глаза открыть и впитать в себя райскую красоту острова. Мучнистый песок, гибкие пальмы с глянцевыми широкими листьями и лазурное, ласково-игривое карибское море. В Палм-Бич прекрасные пляжи, а еще я была на Гавайях и на Южном берегу Франции, но только здесь мне захотелось плакать. Виной тому красота вокруг или мое внутреннее состояние, но я позволила паре слезинок скатиться по щеке. Это слезы очищения, им можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/oliviya-leyk_/on-menya-pogubit

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)